

Litera

Правильная ссылка на статью:

Амиргамзаев Г.М., Гамзаев Р.Г. Специфика репрезентации исламских течений в современных медиа: между религиозным содержанием и политической повесткой // Litera. 2025. № 9. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.9.75522 EDN: QVKOWY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75522

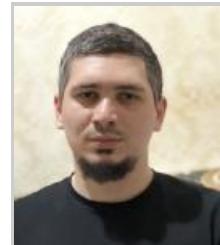
Специфика репрезентации исламских течений в современных медиа: между религиозным содержанием и политической повесткой

Амиргамзаев Гитинмагомед Магомедович

аспирант; Институт государственной службы и управления; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

367911, Россия, респ. Дагестан, г. Махачкала, Ленинский район, село Новый Хушет, ул. Али Алиева, д. 9

✉ amirgamzaev_g98@mail.ru

Гамзаев Расул Гамзатович

директор; Профессиональной духовной исламской образовательной религиозной организации «Медресе имени Мухаммада Ярагского»
аспирант; Институт государственной службы и управления; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

368670, Россия, респ. Дагестан, г. Дагестанские Огни, пр-кт Михаила Ивановича Калинина, д. 104

✉ Rasul-gamzaev@rambler.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.9.75522

EDN:

QVKOWY

Дата направления статьи в редакцию:

14-08-2025

Аннотация: Предметом исследования является медиакоммуникационный анализ репрезентаций различных направлений ислама – суннизма, салафизма, хариджизма, шиизма и исламского модернизма – в современном российском и международном информационном пространстве. Работа фокусируется на том, как СМИ и цифровые платформы формируют устойчивые символические образы исламских течений, нередко опираясь на бинарные оппозиции «традиционный / радикальный», «умеренный /

экстремистский» и «допустимый / угрожающий». В центре внимания находятся как корректные, так и искажённые интерпретации богословского содержания, возникающие вследствие смешения понятий и недостатка теологической экспертизы в медиа. Анализируются примеры из светских, религиозных и аналитических источников, включая российские исламские сайты, западные новостные ресурсы, а также публикации в социальных сетях. Подобное дискурсивное смешение нивелирует фундаментальные доктринальные и исторические различия между указанными традициями, формируя у аудитории искажённое представление об их теологической природе и соотношении внутри исламской уммы. Исследование рассматривает СМИ не только как трансляторов информации, но и как активных конструкторов религиозных образов, определяющих общественное восприятие ислама. Методологическая основа исследования включает авторскую редакцию дискурс-анализа, медиасемиотический подход, метод сравнительного анализа и контент-анализ. Эти методы применены для изучения текстовых, визуальных и символических кодов в СМИ и цифровых платформах, что позволило выявить особенности фрейминга исламских направлений в политико-информационном контексте. Научная новизна исследования заключается в разработке типологии медийных презентаций исламских направлений с учётом политико-идеологических контекстов, уточнении статуса суфизма как объекта медийной интерпретации и дифференциации понятий «суннизм», «салафизм» и «хариджизм». Особо подчёркивается значимость разграничения ортодоксального суннизма и хариджизма, которые в медийном дискурсе часто смешиваются, что приводит к искажению теологической картины ислама. Впервые предложен комплексный медиакоммуникационный анализ, объединяющий религиоведческий и политико-семиотический подходы. Выводы исследования показывают, что медиа не только транслируют религиозные темы, но и конструируют образы исламских течений, нередко искажая их доктринальное содержание, что способствует политизации религиозного дискурса. Подчёркивается необходимость медиаграмотности и теологической экспертизы для корректной интерпретации исламских учений в публичном пространстве.

Ключевые слова:

ислам, суннизм, хариджизм, салафизм, ваххабизм, суфизм, исламский модернизм, шиизм, вилайт аль-факих, политизация религии

Введение

Современные медиакоммуникации формируют восприятие ислама как религии не только через тексты, но и посредством визуальных, символических и политических кодов. В условиях глобальной политизации религиозного дискурса особенно остро стоит проблема точной презентации различных течений внутри ислама. Одним из наиболее частых явлений в публичной и академической среде является отождествление салафизма с ортодоксальным суннизмом, что приводит к смешению понятий «традиционный ислам» или «ортодоксальный ислам» с радикальными проявлениями религиозности. Это смешение активно воспроизводится в журналистике, экспертных докладах, социальных сетях и даже в академических публикациях.

Актуальность исследования обусловлена тем, что медиарепрезентации исламских направлений оказывают прямое влияние на формирование общественного мнения, наработку политических решений, а также на межконфессиональные отношения. Ввиду этого необходимо:

- Представить теологический взгляд на сущность и содержание исламских конфессий;
- Критически рассмотреть, как СМИ и цифровые медиа представляют ортодоксальные и радикальные течения, и какова роль этих репрезентаций в легитимации или делигитимации исламской мысли.

Гипотеза исследования заключается в том, что в массовом медиадискурсе наблюдается устойчивая тенденция к фреймингу ортодоксального суннизма как «ислама вообще» или «нешиитского ислама», без должного учёта радикальных и реформаторских отклонений, что формирует искажённую общественную картину ислама и способствует политической инструментализации религии. Вначале приведем содержание основных направлений исламской мысли, поскольку именно неопределенность в этом, приводит к искажению объективных данных

Ортодоксальный суннизм — Ахлю-сунна валь-джамаа

Понятие «суннизм» — это европеизированное слово от арабского понятия «Ахлю-сунна валь-джамаа». Сунниты определяют понятие «ахлю-сунна валь-джамаа» следующим образом:

- ахлю-сунна — приверженцы сунны. Этим самым, сунниты отделяются от шиизма из джадидизма. Данное понятие сформировано на основе изречения (хадис) пророка: «... следуйте за моей сунной и сунной праведных халифов после меня...»; [1. с. 28]
- валь-джамаа — приверженцы большинства. Данное понятие отделяет суннитов от остальных течений, поскольку большинство в основах вероучения никогда не выходила за рамки определенных границ. Это понятие основано на изречении пророка: «Аллах не объединит мою общину на заблуждении». [2. с. 200]

Сунниты в данном случае представляет собой крупнейшее направление в исламе, основанное на вероучении трёх школ — ашаризма, матуридизма и асариизма. Все они признают четыре суннитских правовых мазхаба: ханафитский, шафиитский, маликитский и ханбалитский. Ортодоксия базируется на традиции согласия общины (иджма), сохранения преемственности знания (иснад) и интерпретации Корана и Сунны в свете интеллектуальных традиций. Теологические споры решаются в рамках рационально-догматической дискуссии без такфиритских элементов. Центральной характеристикой ортодоксального суннизма является его способность к удержанию баланса между текстуальной строгостью и богословским осмысливанием.

В работах одних из самых авторитетных представителей четырех богословско-правовых школ: Ибн Хаджара аль-Хайтами (шавиит) [3. с. 551], Муртазы аз-Забиди (ханафит) [4. с. 356], Ахмад ад-Дардир (маликит) [5. с. 441] и Мухаммад ибн Ахмад ас-Сафарини (ханбалит) [6. с. 73], а также многих других, подтверждается признание ашаритов, матуридитов и асаритов как представителей ортодоксального направления.

В современном исламском мире практически отсутствуют государства, чья официальная политico-правовая модель реализует классическую суннитскую концепцию власти в её традиционном, догматически обоснованном виде, без включения элементов модернистской или радикально-реформаторской трактовки. Преобладающее большинство мусульманских стран демонстрируют либо светско-модернистские формы правления, либо религиозные системы с выраженными искажениями ортодоксального суннитского учения. В этом контексте наибольшее сближение с теоретической моделью суннитского государства, основанного на традиционном фикхе и ортодоксальной теологии (ашаризм,

матуридизм, ханафитский мазхаб), демонстрирует современный Афганистан, в котором после ухода иностранных сил наблюдается попытка пересмотра прежней радикальной идеологии в сторону более умеренного и теологически обоснованного подхода.

В медиа — как массовых, так и экспертных — термин «суннизм» часто используется как собирательное обозначение для любых нешиитских течений, включая салафизм или хариджитские группы. Это ведёт к нивелированию различий между традиционным исламским богословием и идеологиями, открыто отвергающими ортодоксальное наследие. В статье «Алавиты в стране победившей суннитской революции», автор пишет: «Сейчас Сирия в мировой повестке дня. Джихадисты-сунниты победили правящий клан Асадов...». [7] Сторона, взявшая вверх в конфликте в Сирии, исповедовала убеждения ваххабизма, входящее в направление хариджизма. Конечно, с приходом к власти заметны изменения во взглядах от радикального хариджизма к более умеренному подходу суннизма, однако является ошибкой соотносить джихадистов, под которыми подразумеваются хариджиты и суннитов. Подобная же картина и на многих других сайтах: «Исламское государство Ирака и Леванта» (сокращено — ИГИЛ) — это транснациональная суннитская террористическая организация....». [8]

Частично проблему смешения суннизма с другими, в особенности радикальными течениями решила «Грозненская фетва», в которой была предпринята попытка четкого разграничения между традиционным суннизмом и иными, в том числе экстремистскими, течениями, не входящими в рамки ортодоксального исламского богословия.

Существует еще одна проблема, понятия ашаризм, матуридизм или асаризм крайне редко используется в Российских неисламских медиа и СМИ, но используется термин «суфизм», под которым подразумевают традиционный ислам. Следует указать на некорректность использования данного термина для обозначения одного из направлений ислама, поскольку наука суфизма не имеет отношения к догматическим вопросам, разногласия в которых, определяет человека представителем той или иной конфессии. Суфизм — наука, а не течение, вопреки нарративу распространяющему в научной литературе или СМИ. [9] Исследователи данной науки именуются суфиями, при этом, суфий может быть приверженцем шиизма, суннизма, мутазилизма, хариджизма и иных направлений в вопросах мировоззрения. На территории РФ подавляющее большинство суфиев являются ортодоксальными суннитами. При всем этом, презентация суфизма в медиа не совсем корректное, причем исходит это даже от самих верующих. Как пример, мыслитель и философ Гейдар Джемаль многократно затрагивал тематику суфизма в лекциях, статьях и интервью. Следует отметить, что данный взгляд на суфизм не основан на академических исламских знаниях, а скорее на востоковедческих трудах прошлого столетия. Он говорит: «я считаю, что суфизм — это девиация, это отклонение от ислама, попытка создать-таки клерикальную касту, не мытьем, так катаньем». [10]

Из светских медиа портал «Материк» подчёркивает, что суфизм (тасаввуф), являющийся частью суннитской традиции, служит механизмом воспитания и противодействия радикальным течениям. В статье: «Исторически Центральная Азия характеризовалась суфийской традицией... центрально-азиатские суфии активно боролись с распространением радикализма... противостояние идеологии суфизма ваххабизму даёт положительный результат». [11] Муфтий РТ также подчеркивает: «суфизм — является одной из неотъемлемых частей традиционного российского ислама». [12]

Зачастую суфизм в научной литературе представляется течением, оппонирующим салафизму (ваххабизму), и это указывается даже в названиях статей, как пример, статья

Раджабова Р.А., «Основные конфессиональные противоречия между суфизмом и ваххабизмом» [13] или философа Билалова М.И. «Онтопедические и гносеологические различия суфизма и салафизма». [14]

В суннитских медиа суфизму посвящено множество статей: «Суфизм», [15] «Суфизм — это сердце Ислама» [16] и другие. В медиа зачастую определение суфизма в точности сходится с тем, что дано в энциклопедическом словаре: «ат-Тасаввuf — суфизм, мистико-аскетическое течение в исламе». [17]

Таким образом, медиа-дискурс порой отождествляет «салафизм» и «ваххабизм» радикального толка с суннизмом, что, в сущности, уравнивает ответственность за радикальные проявления несуннитских направлений с суннитами. Суфизм же преподносится как отдельное мистическое течение и как безопасная форма ислама. Суфизм выступает в СМИ как культурно лояльная форма религиозности, противопоставляемая радикализму.

Дискурс также подчёркивает внутреннюю иерархию исламских направлений, где «суфизм» и «суннизм» представлены как союзники традиции, а «салафизм» — как угроза.

Основные религиозные сайты на территории РФ транслируют суннитскую точку зрения. Данный вывод следует из контент-анализа таких сайтов как islam.ru, azan.ru, islamdag.ru, muftiyatrd.ru, dumrt.ru, dumchr.ru, muftyat.kz, azan.kz, annisa-today.ru, dsmr.ru, taalib.ru, darulfikr.ru, huzurtv.ru и других.

Хариджизм: основы и современные проявления

Хариджиты не являются какой-то определенной идеологической группой, это скорее собирательный образ разных радикальных групп, но со схожей методологией понимания священных текстов. Особенностью хариджизма является их поверхностная и пропитанная буквализмом герменевтика священных текстов. Это и послужило основным фактором их появления после битвы при Сиффине в 657 гг., в период правления халифа Али ибн Абу Талиба.

Идеи хариджизма функционировали практически во все века существования Ислама под разными именованиями. В I веке по хиджре это были секты харуриотов, азракитов, вахбитов и т.д. Со второго века в Омане закрепилось самое умеренное течение хариджитов - Ибадиты, которое существует там и по ныне. Однако их политические и мировоззренческие аспекты претерпели изменения. Во все века секты, чьи действия и аспекты мировоззрения входили в рамки хариджизма появлялись и угасали.

Суяргулов Р.Р. Довольно хорошо описал социальные особенности хариджитов, вкратце выделим следующие:

- крайняя нетерпимость;
- в основном, хариджитами становились неофиты;
- отсутствие образования;
- жители пустыни;
- крайняя фанатичность к своим принципам и нетерпимость к другим, даже если это приемлемое разногласие;

· придерживались принципа: хороший оппонент - мертвый оппонент. [18. с. 25-26]

Среди мусульманских ученых существует консенсус, что направление хариджизма является воплощением экстремизма и терроризма, кроме течения ибадитов, самых умеренных хариджитов. На протяжении веков, с появлением сект хариджитов мусульманские земли становились полигоном военных действий. В VII веке хариджизм представляли секты харуриотов, азракитов и других. К XX-XXI веку ваххабизм по мнению ученых суннитов, проявил все признаки хариджизма. Ваххабизм на данном этапе входит в более общий термин — Салафизм. Современный салафизм выражен школами Мухаммада ибн Абдуль-Ваххаба (ваххабизм) и Такиуддина ибн Таймии (таймизм). Таймиты, отрицающие наследие ваххабизма, представляют собой умеренное крыло салафизма.

Школу ваххабизма исламские ученые однозначно ввели в подгруппу хариджизма. Идейную основу данного течения можно проследить в словах эпонима этой секты, Мухаммада ибн аль-Ваххаба: «Я рассказываю вам о самом себе. Клянусь Аллахом, кроме которого нет никого, достойного поклонения! Я приобретал знания, а тот, кто знал меня, был убеждён, что я обладаю неким познанием, но я в то время не знал смысла слов «Нет бога, кроме Аллаха» — «Ля иляха илля-ллах» и не знал религии Ислам прежде этого блага, которым меня одарил Аллах. Также и мои учителя: среди них не было ни одного человека, кто знал бы об этом.

Тот из учёных 'Арида (Неджда), кто станет притязать на то, что знал смысл слов «Нет бога, кроме Аллаха» — «Ля иляха илля-ллах» или осознавал суть Ислама до этого времени, или же станет утверждать, что кто-то из его шейхов знал это — солжёт, возведёт клевету, запутает людей и вознесёт себе хвалу, которой недостоин». [19. с. 51]

Также, о тех, кто выступил против его исключительного понимания религии ибн Абдуль-Ваххаб заявил: «И вы, и ваши учителя, и их учителя не понимаете и не отличаете религию Мухаммада (да благословит его Аллах и приветствует) от религии Амра ибн Люхая, который стал основателем многобожия у арабов. По их мнению, религия Амра — это верная религия». [19. с. 57]

Подобных цитат можно привести множество. Идея эксклюзивного понимания религии, сопровождаемая такфиристской практикой (обвинением в неверии тех, кто не разделяет подобного подхода), составляет идейно-доктринальную основу большинства современных радикальных группировок, ассоциирующих себя с исламом.

В современном исламском мире лишь в государстве Оман официальной идеологией обозначен умеренный хариджизм, называемый ибадизмом. Анализ мировоззренческих принципов и герменевтических подходов радикальных группировок, таких как «Аль-Каида», ИГИЛ, Джабхат ан-Нусра, Боко Харам и других, позволяет выявить их прямую идейную преемственность с хариджитской традицией. Эти движения характеризуются схожим догматическим радикализмом, такфиристским^[11] подходом к оппонентам и крайней формой религиозного буквализма, что выявляет их как приемников хариджитских сект. Базис научной литературы практически всех современных террористических организаций, относящих себя к Исламу, в основе своей, состоят из книг представителей ваххабизма.

В медиа, как западных и российских, термин «ваххабизм» или «салафизм» часто применяется как синоним «радикального ислама» или даже «исламского фундаментализма» и зачастую употребляется в контексте обсуждения террористических

группировок. Как примеры:

- «Группировка (Вилаят-Хорасан) исповедует салафизм и противостоит «Талибану»»; [20]
- «члены ИГИЛ-Х исповедуют салафизм — консервативное течение в исламе»; [21]
- «Основное внимание в исследовании уделяется "салафитскому джихадизму" - термину, часто используемому наряду с ваххабизмом - как "единому началу", из которого проистекает Аль-Каида и ИГИЛ (запрещена на территории России)»; [22]
- «По экспертным оценкам, в России насчитывается до 700 тысяч сторонников радикального ислама - так называемого ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация - прим. Царьград) и прочих ваххабитских структур». [23]

На суннитских порталах muftyat.kz, [24] Islam.ru, [25] dumrt.ru, azan.kz и других, «салафизм» или «ваххабизм» часто преподносится как «идеология, приравниваемая к терроризму» и отличная от суннизма. На сайтах, вроде islamdag.ru, azan.ru, taalib.ru darulfikr.ru приводятся множество материалов полемического характера, в котором анализируются идеи салафизма и их отличия от суннизма.

Беря во внимание то, что в одних медиа ваххабизм или салафизм отождествляется с терроризмом, а в других, с суннизмом, деструктивно влияет на мусульман суннитов и их образ в медиа. И это усугубляется тем, что практически все террористические группировки, относящие себя к исламу (ИГИЛ, Джабхат ан-Нусра и др.) позиционируют себя как салафитские. Вследствие этого формируется устойчивый фрейм, в котором «салафизм» отождествляется с экстремизмом, а через него — и с «суннизмом» в целом. Потому следует четко разграничивать понятие «суннизм» от других.

Хариджизм, как историческое течение, возникшее в VII веке, характеризуется буквалистским подходом и крайней политической нетерпимостью. Современные движения, повторяющие эти доктрины, при этом избегают самоидентификации как хариджиты. В СМИ хариджитские взгляды почти никогда не маркируются как таковые — вместо этого используется терминология вроде «джихадист», «радикал», «исламист». Это препятствует точному ограничению хариджитской идеологии от ортодоксального суннизма, и, что не менее важно, формирует негативной фон вокруг понятий ислам, джихад, шахид и т.д.

Как отмечается в ряде исследований, в социальных сетях (Telegram, YouTube, Instagram) представители хариджитских направлений активно используют элементы медиатизации, формируя привлекательную визуально-коммуникационную оболочку своего идеологического послания. В качестве инструментов такой «медицинской упаковки» применяются логотипы, фрагменты боевых действий, авторитетные богословские цитаты, нашиды, а также вырванные из контекста отрывки из Корана и хадисов. [26] Подобные презентации усиливают эмоциональное воздействие, создавая эффект убедительности и формируя образ «подлинного ислама», который противопоставляется традиционным религиозным институтам. С 2013 года в целях централизованного производства и распространения идеологически окрашенного контента на арабском языке были организованы такие структуры, как «Итисаам» (I'tisaam Media Foundation) и медиа-фонд «Айнад» (Ajnad Media Foundation), специализирующиеся, соответственно, на создании видеоматериалов пропагандистского характера и аудиоконтента (экстремистских проповедей и нашидов). [27] Иллюстрацией подобного медиаподхода может служить четырехсерийный фильм ИГИЛ (запрещена в РФ) «Звон мечей», в котором применены

все перечисленные средства визуально-аудиальной пропаганды.

Общие признаки экстремистского медиаконтента:

- Антимазхабизм и буквализм;
- Активное применение такфира и понятия «тагут»;
- Частое обвинение оппонентов в нововведениях;
- Риторика делигитимации ДУМов, суфийских тарикатов и шиизма;
- Визуальное оформление с символикой джихадизма (чёрные флаги, каллиграфия, оружие);
- Обращение к чувствам через нашиды, кадры боевых действий, ссылки на сирийский и афганский опыт;
- Строгая приверженность трудам Мухаммада ибн Абдульваххаба, основателя движения ваххабизма

Исламский модернизм — это интеллектуальное направление, возникшее в XIX веке в ответ на вызовы колониализма, упадка мусульманских государств и влияния западной политической мысли. Его представители стремились адаптировать ислам к реалиям модерности, используя рационализм, переосмысление шариата и обновление института иджтихада (область богословского суждения).

Классическими фигурами исламского модернизма считаются Джамал ад-Дин аль-Афгани, Мухаммад Абдо, Рашид Рида. Учение аль-Афгани наследовал его ученик Мухаммад Абдо, однако Абдо позже разочаровался в антиколониальной политике аль-Афгани, и считал, что в то время следовало бы подчиниться развитым европейским империям. Идеи модернизма Абдо продвигал не без помощи влиятельных знакомств, особенно Ивлина Бэлинга Кромера, управляющим оккупированным Египтом, который проложил путь для Абдо вплоть до государственного Муфтия. Фетвы Абдо были резко отрицательно приняты верующими, поскольку грубо противоречили исламским канонам. Абдо разрешал получать проценты и дивиденты, позволял не халильную пищу в странах иноверцев и т.д. [28]

Несмотря на значительные усилия исламских модернистов, их идеи не получили широкого распространения ни в странах арабского Востока, ни в мусульманских сообществах России. Это во многом объясняется сопротивлением со стороны традиционалистских и ортодоксальных кругов, прежде всего — официального духовенства, сохраняющего влияние как в арабском мире, так и в российских мусульманских институтах. Как отмечают исследователи, «джадидизм, который отчасти трансформировался в политическое течение, не был принят всем мусульманским сообществом. У него были авторитетные, прежде всего в среде официального мусульманского духовенства, оппоненты, критиковавшие джадидистов за отход от традиционного толкования религии, подмену исконно мусульманских духовных ценностей либеральными». [29] Такая критика модернистской идеологии указывает на глубокий ценностный разрыв между реформаторами и представителями классической исламской мысли, что и стало одной из причин ограниченного влияния модернистских идей в исламском мире.

Основные идеи:

- Синтез научной исламской и европейской методологии познания в целях выработки новой методологии понимания Ислама;
- Переформулирование догматов веры с учетом современных реалий. Для достижения этого из общепринятой методологии экзегезы Корана вытесняется аспект пророческой Сунны, что открывает доступ к субъективному толкованию, с учетом господствующих в современности идей. Это проложило путь к «гуманистической герменевтике»;
- Открытие врат «иджтихада»;
- Деконструкция традиции, выражающаяся в пересмотре феномена традиции и ортодоксальности;
- Политическая реформа. Среди модернистов идут дискуссии относительно содержания и формы исламского государства, а также того, есть ли вообще необходимость в нем.

Следует указать, что выше перечислены не все, но основные идеиные наработки представителей модернизма.

В науке и медиа исламский модернизм представляется в двух противоположных образах:

1. как перспективный путь исламского обновления и борьбы с экстремизмом; [30] [31]
2. как уступка Западу и форма «размывания веры». [32]

Научный журнал «Ислам в современном мире», выпускаемый при поддержке Духовного управления мусульман Российской Федерации (dumrf.ru), занимает ключевое место в формировании дискурса об исламе на постсоветском пространстве. Особое внимание в публикациях издания уделяется вопросам исламского модернизма, теологической адаптации традиционного богословия к вызовам современности, а также трансформации религиозной идентичности в условиях глобализации. Анализ содержания журнала свидетельствует о систематическом продвижении модернистской парадигмы как приоритетного направления богословской и общественно-политической мысли.

Таким образом, исламский модернизм в медийном пространстве становится ареной идеологической борьбы, где сталкиваются приверженцы «гибкой адаптации» ислама и жёсткой охраны религиозной ортодоксии. Его репрезентация зависит от платформы, редакционной политики и аудитории, что ещё раз подчёркивает необходимость медиаграмотности и теологической экспертизы.

Шиизм и концепции «вилаят аль-факих» в медиа

Отдельного внимания заслуживает шиизм и его политико-теологическая форма — концепция «вилаят аль-факих» (правление правоведа), лежащая в основе устройства Исламской Республики Иран. Шиизм часто рассматривается в медийном поле как идеологическая альтернатива суннизму, особенно в контексте геополитического соперничества между Ираном и суннитскими государствами.

Концепция «вилаят аль-факих», разработанная аятоллой Хомейни, получила широкое освещение как в шиитских, так и в западных и суннитских СМИ. В иранском медийном пространстве (например, через агентства Press TV, Al-Alam) этот принцип подается как форма божественного попечительства над обществом и альтернатива светской демократии. Позиции школы аятоллы Хомейни широко представлены в документальных фильмах, теледебатах, официальных проповедях.

В англоязычных источниках (BBC, Al Jazeera) шиитская модель власти в Иране — «вилаят аль-факих» — преподносится как авторитарная система с подавлением свобод. [33] В то же время в иранских медиа (PressTV) подчеркивается сакральность лидерства и легитимность духовной власти. [34]

Медийная репрезентация шиизма и «вилаят аль-факих» зависит от политического контекста и целевой аудитории. В шиитских и иранских источниках доминирует идеалистический нарратив об исламской справедливости и духовной опеке. В критических источниках — акцент на ограничении свобод, милитаризованной идеологии и транснациональной доктрине.

В настоящее время шиитская концепция «вилаят аль-факих» реализуется только в политико-правовом пространстве Ирана. Сама концепция «вилаят аль-факих» неоднозначно принята в среде богословов шиитском мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый медиакоммуникационный анализ репрезентаций исламских направлений в российском информационном пространстве позволяет выделить ряд ключевых выводов, отражающих специфику современного религиозного дискурса в СМИ.

Во-первых, традиционный суннизм (ахлю-сунна валь-джамаа), обладающий богословской и правовой ортодоксией, в российских медиа часто подаётся через искажающие интерпретации, где смешиваются его классические формы и радикальной версии салафитского толка. В Общепризнанных религиозно-богословских трудах суннизм определяется тремя школа вероучения: ашаризм, матуридизм и асаризм. Это подтверждает и "грозненская фетва", к которой причастны признанные в исламском мире ученые. Салафизм, выраженный в современном мире направлениями таймизм (умеренное крыло салафизма) и ваххабизм (радикальное крыло), и который является ядром практически всех террористических группировок, зачастую вводят в подгруппу суннизма, как это было продемонстрировано в приведенных выше сайтах несмотря на то, что, в сущности, ваххабизм входит в число хариджитского направления в Исламе. Следует учесть, что в СМИ и простонародье под салафизмом практически всегда подразумевают ваххабизм. Однако для объективности следует разделять салафизм на таймизм и ваххабизм, поскольку среди таймитов не все поддерживают деятельность ваххабизма.

Во-вторых, хариджизм как богословско-историческая традиция используется в медиа крайне редко и исключительно в негативном ключе. Религиозные исламские СМИ, такие как islam.ru, islamdag.ru, Muftyat.kz, и другие, обозначают салафизм, особенно его ваххабитское крыло, как прямого наследника хариджитского радикализма, используя ярлыки «псевдосалафизм» или «ваххабизм».

В-третьих, салафизм в российских СМИ стабильно маркируется как угроза, часто в связке с экстремизмом и радикализмом. Он противопоставляется суфизму, который подаётся как безопасный, культурно укоренённый и религиозно-адаптированный к межрелигиозной и межкультурной среде. В статьях на портале Islamdag.ru, в публикациях Муфтията Республики Дагестан и Татарстана подчёркивается, что суфизм олицетворяет миролюбивую традицию и духовное ядро ислама. Однако, с точки зрения исламской науки не является корректным выделять суфизм как отдельное направление в Исламе, как это презентуется в научных статьях (например: Билалов М.И. Онтологические и гносеологические различия суфизма и салафизма) или в СМИ, поскольку суфизм является наукой, и не имеет отношения к идеологическим

направлениям.

В-четвёртых, исламский модернизм получает институциональную легитимацию в ряде СМИ и на сайтах, аффилированных с официальными исламскими структурами (например, журнал «Ислам в современном мире», сайт Materik.ru). Он репрезентируется как форма адаптации ислама к вызовам современности и как альтернатива догматизму. Однако, как показывают публикации на muslimskeptic.com, darulfikr.ru или IslamNews.ru, модернизм также воспринимается частью аудитории как форма десакрализации традиционной исламской теологии и религиозно-правового наследия.

В-пятых, шиизм и особенно концепция виляят аль-факих рассматриваются медиа двойственno: как фактор теократического авторитаризма (в публикациях западных СМИ и аналитических центров), и как выражение духовной консолидации (в иранских и пророссийских источниках). В российских светских медиа он почти не анализируется системно, что порождает интерпретационный вакуум и замену содержательного анализа геополитической риторикой.

Анализ показал, что современные СМИ не просто передают информацию о религиозных течениях, но активно участвуют в формировании их образов. Они действуют как фильтры и производители смыслов, кодируют религиозные понятия в политически маркированные термины и репрезентируют ислам через бинарные схемы: «традиционный / радикальный», «умеренный / экстремистский», «допустимый / угрожающий». В этом контексте медиа не только интерпретируют религиозные доктрины, но и нормализуют определённые типы вероисповедания как легитимные в публичном пространстве.

Таким образом, ключевым объектом изучения становится не столько религиозное содержание, сколько его медийная трансляция, обусловленная политикой редакций, требованиями информационной повестки и рамками допустимого дискурса. Роль СМИ — не в объяснении религии, а в символическом управлении её образами.

Полученные результаты представляют научную и практическую значимость для изучения религиозного медиадискурса, информационной безопасности, религиоведческой экспертизы и критической медиаграмотности. Статья подчёркивает необходимость развития специализированной теологии в медиапространстве и повышения качества публичной интерпретации религиозных тем в условиях поляризованного информационного ландшафта.

[\[11\]](#) Такфир — обвинение в неверии.

Библиография

1. Абу Абдуллах ибн Язид ибн Маджа. Сунан ибн Маджи / под ред. Шуайба аль-Арнаута. – 1-е изд. – Бейрут: ар-рисала аль-алямийя, 2009. – 1 т. – 526 с.
2. Абу Абдуллах аль-Хаким. Мустадрак аля-саихейн. – Бейрут: кутуб аль-ильмийя, 1990. – 200 с.
3. Ибн Хаджар аль-Хайтами. Аль-Фатава аль-Хадисийя. – Стамбул: Марказ джайляний лиль-бухус аль-ильмийя ва таб' ва нашр, 664 с.
4. Абдульвахаб ибн Такиуддин ас-Субки. Табакаташ-Шафиийя аль-кубра. – Издательство: Ихъяу кутуб аль-арабийяти, 3 т. – 616 с.
5. Ахмад ибн Мухаммад ас-Сави. Хашият аль-аллямати ас-Сави аля шарх харида аль-бахийя. – 1-е изд. – Дамаск: Ад-Дакка, 2019. – 528 с.
6. Ас-Сафарини Мухаммад ибн Ахмад. Лявами' аль-анвар аль-бахийя ва савати' аль-асрап аль-атийя. – 2-е изд. – Дамаск, 1982. – Т. 1. – 478 с.

7. Гусейнов А. Исламская революция: вызов или альтернатива? [Электронный ресурс] // Независимая газета. – 17.12.2024. – URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2024-12-17/11_586_revolution.html (дата обращения: 29.07.2025).
8. Террористическая деятельность "Исламского государства Ирака и Леванта" в Юго-Западной Азии // Справочник. – 27.02.2023. – URL: https://spravochnick.ru/mezhdunarodnye_otnosheniya/terroristicheskaya_deyatelnost_islamskogo_gosudarstva_iraka_i_levanta_v_yugo-zapadnoy_azii/ (дата обращения: 05.08.2025).
9. Шахидов Ш. Суфизм – не альтернатива, а ядро традиционного ислама // Lenta.ru. – 17.05.2016. – URL: <https://lenta.ru/articles/2016/05/17/shahidov/> (дата обращения: 27.07.2025).
10. Мирзакарим Норбеков. О религии и нравственности // Litlife.club. – URL: <https://litlife.club/books/236397/read?page=6> (дата обращения: 27.07.2025).
11. Саляхутдинов А. Суфизм в России как действенная альтернатива псевдорелигиозному экстремизму // Материк. – 2022. – URL: <https://materik.ru/analitika/sufizm-v-rossii-kak-deystvennaya-alte/> (дата обращения: 28.07.2025).
12. Духовное управление мусульман РТ. Участие муфтия Татарстана в сессии Совета улемов РФ [Электронный ресурс] – URL: https://dumrt.ru/ru/news/news_13441.html (дата обращения: 29.07.2025).
13. Раджабов Р. А. Основные конфессиональные противоречия между суфизмом и ваххабизмом // Журнал Ислам в современном мире. – 2009. – № 2. – С. 107-115.
14. Билалов М. И. Онтологические и гносеологические различия суфизма и салафизма // Исламоведение. – 2015. – № 1. – С. 61-68. – EDN: TSEANZ.
15. Суфизм как духовная традиция в исламе [Электронный ресурс] // IslamDag.ru. – URL: <https://islamdag.ru/verouchenie/22475> (дата обращения: 30.07.2025).
16. Магомедов Х. Суфизм – это сердце ислама [Электронный ресурс] // Муфтият Республики Дагестан. – URL: <https://muftiyatrd.ru/content/h-magomedov-sufizm-eto-serdce-islama> (дата обращения: 30.07.2025).
17. Энциклопедический словарь. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. – 544 с.
18. Суяргулов Р. Р. Введение в "историю мазхабов". Мусульманские мазхабы и течения: учебное пособие. – Уфа: Изд-во "Восточная печать", 2021. – 106 с.
19. Абдуррахман ибн Мухаммад ибн Касим ан-Неджи. Ад-Дурану с-сания фи-ль адживиба ан-надждия. – 10 т. – 553 с.
20. Верховный муфтий Сирии: ИГИЛ создали Саудовская Аравия и Запад [Электронный ресурс] // РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/6863d61b9a794700cb318ad1> (дата обращения: 29.07.2025).
21. Россия и исламский мир: вызовы и приоритеты [Электронный ресурс] // РБК. – 24.03.2024. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/03/2024/65ff17d79a7947673e6e7b9d> (дата обращения: 29.07.2025).
22. Принц Мухамед не скрывает: Саудиты создали ИГИЛ [Электронный ресурс] // Rambler/Новости. – URL: <https://news.rambler.ru/other/39534315-prints-muhammed-ne-skryvaet-saudity-sozdali-il> (дата обращения: 29.07.2025).
23. Силантьев Р. Физическое воздействие – лучшее средство в борьбе с ваххабизмом [Электронный ресурс] // Царьград. – URL: https://tsargrad.tv/articles/roman-silantev-fizicheskoe-vozdejstvie-luchshee-sredstvo-v-borbe-s-vahhabizmom_4186 (дата обращения: 29.07.2025).
24. Салафизм – большая угроза единству мусульманской уммы // Muftyat.kz. – 08.09.2023. – URL: <https://www.muftyat.kz/ru/articles/sermons/2023-09-08/42790-salafizm-bolshaia-ugroza-edinstvu-musulmanskoi-ummy/> (дата обращения: 28.07.2025).

25. Ислам и вызовы современности // Islam.ru. – URL: <https://islam.ru/content/analitics/30145> (дата обращения: 28.07.2025).
26. Как вербуют в ИГИЛ: медиа-империя, профессиональный пиар и онлайн-присяги террористов (опыт Казахстана) [Электронный ресурс] // ATK. – URL: <http://atk26.ru/novosti/113-17052017> (дата обращения: 03.07.2025).
27. Альбо Таслих Мохаммед Имад Кадим. Пропагандистская деятельность ИГИЛ и методы борьбы с ней // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2022. – Т. 2, № 2. – С. 110-121. – С. 114.
28. Muhammad 'Abduh: Leading 19th Century Modernist Reformer. – 27.10.2022. – URL: <https://muslimskeptic.com/2022/10/27/muhammad-abduh-reformer/> (дата обращения: 25.06.2025).
29. Несостоявшееся обновление: почему забыли джадидизм? [Электронный ресурс] // IslamNews.ru. – 13.05.2020. – URL: <https://islamnews.ru/2020/5/13/nesostoyavsheesya-obnovlenie-pochemu-zabyli-dzhadidizm> (дата обращения: 30.07.2025).
30. Даудов Р.Х. Место и роль традиционализма и модернизма в исламской онтологии // Фундаментальные исследования. 2014. № 11-3. С. 684-689; URL: <https://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35585> (дата обращения: 28.07.2025). EDN: STJGRP
31. Черевков О. С. Исламский модернизм в России: зарождение, особенности и возможные перспективы дальнейшего развития // Россия и мусульманский мир. – 2021. – № 2. – С. 5-17. – DOI: 10.31249/rimm/2021.02.01. – EDN: QXDCIW.
32. Исламский модернизм и постмодернизм: к вопросу об интерпретации традиции // Darulfikr.ru. – URL: <https://darulfikr.ru/articles/islamskij-modernizm-i-postmodernizm/> (дата обращения: 28.07.2025).
33. Iran: An Islamic experiment // BBC News. – 2003. – URL: http://news.bbc.co.uk/1/hi/talking_point/special/islam/3112846.stm (дата обращения: 28.07.2025).
34. Imam Khomeini's legacy a viable model of Islamic governance // PressTV. – 04.06.2023. – URL: <https://www.presstv.ir/Detail/2023/06/04/704693/Imam-Khomeinis-legacy-a-viable-model-of-Islamic-governance> (дата обращения: 28.07.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Специфика репрезентации исламских течений в современных медиа: между религиозным содержанием и политической повесткой».

Автор статьи рассматривает медиарепрезентации различных направлений ислама в современном информационном пространстве, главным образом в российских и зарубежных СМИ. Особое внимание уделено проблеме смешения ортодоксального суннизма с радикальными течениями (салафизм, ваххабизм, хариджизм), некорректному представлению суфизма и трактовкам исламского модернизма. Статья выявляет, как медиа формируют устойчивые фреймы — «традиционный / радикальный», «умеренный / экстремистский», «допустимый / угрожающий», и тем самым воздействуют на общественное восприятие ислама.

В основе работы лежит контент-анализ религиозных и светских медиа, включая порталы islam.ru, azan.ru, islamdag.ru, muftyat.kz, а также материалы западных СМИ (BBC, Al Jazeera) и иранских ресурсов (PressTV). Приведены ссылки на научные публикации, документы и тексты богословов. Автор использует сравнительный и критический анализ, сопоставляя теологическую позицию с её отражением в медиа-дискурсе.

Методологическая работа опирается на религиоведческий подход и элементы медиалингвистики, что позволяет выявить механизмы символической трансляции религиозных понятий.

Проблема представления ислама в СМИ особенно остра в условиях политизации религиозного дискурса и роста экстремистских угроз. Исказительные практики медиа влияют не только на общественное мнение, но и на принятие политических решений, межконфессиональные отношения и безопасность. Актуальность исследования подкрепляется примерами, связанными с Сирией, Афганистаном, Ираном и российским контекстом. Кроме того, затрагиваются вопросы, важные для исламоведов, религиоведов, журналистов и специалистов в сфере информационной безопасности.

Новизна статьи заключается в комплексном рассмотрении исламских направлений через призму их медийной репрезентации. Автор не ограничивается религиоведческим описанием, а показывает, как именно журналистские практики создают искажённые образы. Интересным является акцент на различии между салафизмом таймитского типа и ваххабизмом, а также критика некорректного использования термина «суфизм» как конфессионального обозначения. Впервые на столь подробном материале анализируется двойственность восприятия исламского модернизма в российских СМИ.

Статья отличается высокой информативностью и широким охватом материала. Структура выстроена логично: после введения и постановки проблемы последовательно рассматриваются ортодоксальный суннизм, хариджизм, салафизм, суфизм, модернизм и шиизм. Заключение подводит итоги и обобщает наблюдения. Стиль изложения академический, хотя местами автор допускает избыточную публицистичность и многословие. Текст перегружен фактологическими деталями, но это одновременно является и его сильной стороной. Автору следовало бы уточнить отдельные термины и упростить синтаксис некоторых абзацев для лучшего восприятия.

Список источников достаточно обширен и включает как классические исламские труды, так и современные публикации в научных журналах, интернет-ресурсы и медиа.

Автор активно взаимодействует с оппонентскими позициями. Так, приводятся критические мнения относительно суфизма (Гейдар Джемаль), исламского модернизма (традиционисты), а также примеры западных СМИ, где шиизм трактуется как форма авторитаризма. Это усиливает дискуссионный характер статьи. Вместе с тем, возможно в будущих работах, полезно было бы глубже сопоставить разные исследовательские школы — исламоведческую, религиоведческую, политологическую.

Статья делает важный вывод: СМИ не просто информируют, а формируют новые образы ислама, часто искажённые и политически маркированные. Это исследование будет полезно журналистам, религиоведам, специалистам в сфере медиаграмотности и информационной безопасности. Для академической аудитории работа интересна сочетанием богословских и медиалингвистических аспектов.

Рецензируемая работа представляет собой серьёзное исследование с высокой степенью актуальности и научной новизны, она имеет ценность для научного сообщества и широкой аудитории и может быть рекомендована к публикации в научном журнале Litera без существенных замечаний.